

Седьмая глава: Безумец

Лес был огромен, и большая часть жителей поселка Наньхуай из-за Древа Возвращения Души оказалась заперта в нем. Сейчас, когда опасность миновала, вся земля была усеяна ранеными. Те, чьи раны были не слишком серьезны, еще могли помочь себе сами, но тяжелые бедолаги могли лишь ждать подмоги там, где упали.

Что же до тех, в ком уже не теплилось дыхание, то из-за нехватки людей их тела не успевали хоронить, что было только на руку Шэнь Ци.

Шэнь Ци парил в воздухе, не спеша прохаживаясь по лесу в поисках подходящего кандидата.

Ученики Сюаньлин, разумеется, подошли бы лучше всего, но, как он ни искал, не встретил ни одного. Шэнь Ци пришлось довольствоваться малым и для начала присмотреть себе тело обычного человека.

Ребенок не годился, слишком старый или уродливый — тоже, женщина — тем более.

После тщательного отбора он наконец нашел подходящего кандидата.

Это был юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Он умер совсем недавно, и его три души и семь бранных оболочек еще не успели окончательно рассеяться. Шэнь Ци окинул взглядом его внешность: хотя парень был желтолицым и изможденным, его черты лица можно было назвать чистыми и приятными.

Сойдет.

Шэнь Ци растопырил пальцы и взмахнул рукой, притягивая еще не угасшую душу.

Дух юноши был крайне слаб, поэтому Шэнь Ци без труда прочел всю его нехитрую жизнь, а затем разжал пальцы, позволяя душе окончательно раствориться в пустоте.

Тот глупый кролик, похоже, занимает не последнее место. Поиграю с ним вдоволь, а потом убью — как раз успею. Интересно, как вы отреагируете, когда я превращу его в кролика вам в компанию?

...

Совершив обряд и уничтожив тело юноши, Шэнь Ци вызвал зеркало воды. Глядя на незнакомое лицо, отражавшееся в глазах, он растянул губы в зловещей усмешке.

Спустя мгновение Му Цунъюнь, первым придя в себя, спросил:

— Ты из поселка Наньхуай?

Шэнь Ци с отвращением посмотрел на одежду, оставшуюся от трупа, и долго не решался к ней прикоснуться. Лишь вспомнив о своем дальнейшем плане, он заставил себя подавить тошноту и натянул на себя грязные, обветшалые тряпки.

Шэнь Ци провел пальцем по кисточкам, свисавшим до плеч. Он еще не снял золотые серьги-клетки — роскошное украшение совсем не вязалось с этим невинным, чистым лицом, но, быть может, благодаря его собственной властной ауре, всё смотрелось на удивление гармонично.

Юноша моргнул, его взгляд упал на руку Му Цунъюня, и он, казалось, замешкался.

Му Цунъюнь полагал, что, едва коснувшись руки этого человека, не выдержит и выдаст себя, убив его на месте. Но когда их ладони сошлись, он не ощутил привычного отвращения или неприязни.

К счастью, внимание Шэнь Ци уже переключилось на другое, и изводить их ему временно наскучило. Он обмотал кисточки сережек вокруг запястья, и роскошное золото превратилось в самый обычный деревянный браслет, на котором были вырезаны две крошечные, неопределенного вида птицы.

*

К полудню почти всех раненых из леса доставили обратно в поселок.

Он уже давно не испытывал такого предвкушения перед каким-либо делом.

Все было готово. Шэнь Ци, прислушавшись, чтобы определить направление, где находился Му Цунъюнь, с воодушевлением отправился караулить свою жертву.

Увидев его, Му Цунъюнь невольно вспомнил себя в тот момент, когда только попал в этот мир.

Му Цунъюнь не заметил скрытого смысла в его взгляде и, взяв за руку, помог подняться.

Они стояли, глядя друг на друга, и молчали.

Он едва ступил на землю, как столкнулся с юношей, выбравшимся из-под толстого слоя опавшей листвы.

Он никогда прежде не прикасался к людям так близко. Глядя на их сцепленные руки, он почувствовал, как внутри заворчалось странное ощущение.

Му Цунъюнь чувствовал себя неловко, а Шэнь Ци — непривычно.

...Пламя неожиданно перекинулось на них самих, и братья Красные Соколы мысленно выругались, опасаясь, что он снова выкинет какой-нибудь номер, чтобы помучить их.

Помолчав несколько мгновений, Му Цунъюнь подавил нахлынувшую неловкость и, подбирая слова, произнес:

— Опасность в Наньхуае миновала, ты можешь идти домой.

Чем больше что-то кажется обманчиво простым, тем сильнее потрясает истина, когда завеса падает.

Юноша, однако, продолжал смотреть на него своими черными глазами, не произнося ни слова и не двигаясь.

Сухие ветки и листья с шорохом падали вокруг. Юноша выбрался из кучи листвы; ростом он был почти с Му Цунъюня, но выглядел болезненно худым, с выпирающими костями.

Оказывается, вот каково это — когда тебя держат за руку.

Когда он прочесывал лес в третий раз, то услышал шорох внизу. Не упуская ни единой возможности, он тут же убрал меч и спустился проверить.

Му Цунъюнь оказался в затруднительном положении: они смотрели друг на друга, и обстановка становилась все более неловкой.

Кровь в жилах закипела. Шэнь Ци довольно прищурился и, сняв серьги, грубо повертел их в пальцах: Куда же вас спрятать?

Чтобы ничего не упустить, Му Цунъюнь, не зная усталости, раз за разом обыскивал лес на своем мече.

Братья Красные Соколы уже привыкли к тому, что он время от времени впадает в безумие, поэтому лишь обменялись взглядами и молча посочувствовали следующей жертве.

Му Цунъюнь действовал инстинктивно, а юноша — от страха. Его черные, как смоль, глазки были широко раскрыты, в них отчетливо читался ужас, и он даже слегка отпрянул, хотя наполовину уже выбрался из листвы. Му Цунъюнь присмотрелся: парню было лет пятнадцать-шестнадцать, он был тощим, как щепка, а старая, выцветшая серо-голубая ткань одежды болталась на нем, словно на вешалке.

Оба застыли.

Му Цунъюнь начал испытывать легкое удушье.

Вскоре прибыли люди из окрестных сект и местных властей. Му Цунъюнь поручил Цзинь Ни заняться переговорами с ними, а сам остался в лесу с отрядом, чтобы собирать тела и в очередной раз проверить, не осталось ли выживших.

Спустя долгое время он наконец решился и взял его за руку.

Подойдя к телу юноши, Шэнь Ци внимательно его осмотрел. Затем вокруг него заколыхалась аура, и стройная фигура начала меняться: он стал ниже и худее, пока не превратился в точную копию юноши. Сняв золотую маску, он явил миру чистое и невинное лицо паренька.

Шэнь Ци, разумеется, и не ждал ответа. Он смотрел в зеркало воды, тренируя выражение лица, чтобы оно выглядело испуганным и робким. Это невинное, по-детски чистое лицо идеально подходило для того, чтобы притворяться слабым.

...Юноша широко раскрытыми глазами настороженно смотрел на него, не проронив ни звука.

Оставался последний шаг.

Этот безумец хоть и задавал вопросы, вовсе не нуждался в ответах.

Когда ладони сжались, ощущение тепла, перетекающего от одного к другому, заставило обоих нахмуриться.

Он глубоко вздохнул, преодолевая инстинктивное желание отпрянуть, и протянул руку: Если ты боишься, я могу проводить тебя домой.

Тело, в котором он сейчас находился, принадлежало маленькому нищему без роду и племени, который умер от голода в заброшенном храме, не сумев раздобыть еды. Когда Му Цунъюнь только попал в этот мир, он не мог смириться с такой жалкой участью, а страх перед внешним

миром не позволял ему просить милостыню. Он отчаялся и решил, что смерть в храме лучше, чем побираться.

Тогда он выглядел, должно быть, еще более жалко, чем этот юноша.

Если бы тогда его не подобрал учитель, проезжавший мимо, он бы уже давно переродился.

Глядя на паренька, чья судьба так походила на его собственную, он проникся сочувствием. Сказав: Я отведу тебя в поселок, — он призвал меч и забрал его с собой.

Шэнь Ци шел за его спиной, держась за его руку.

Он бесцеремонно разглядывал открытую спину Му Цунъюня и насмешливо скривил губы.

Этот глупый кролик и правда не притворяется.

Сердобольный и доверчивый.

Такой человек, окажись он снаружи, давно бы уже сгинул сотню раз.

Попал в его руки — неясно, удача это для него или проклятие.

*

Му Цунъюнь привел его обратно в Наньхуай.

Обычный человек после слов благодарности отправился бы искать родных, но юноша лишь молча стоял рядом, взирая на него своими черными, как смоль, глазами. В них, помимо остатков настороженности, не было никаких других эмоций.

Похоже, он еще более нелюдим, чем я.

Му Цунъюнь вздохнул и решил отвести его к старосте.

Староста тоже был ранен, хотя и не сильно, и сейчас ходил от дома к дому, подсчитывая оставшихся жителей. Увидев издалека Му Цунъюня, он поспешно подошел, отвешивая поклоны и называя его бессмертным мастером.

Такое рвение немного смутило Му Цунъюня, но, вспомнив о деле, он указал на мальчишку:

— Я нашел его в лесу, но не знаю, где его дом. Он молчит и ничего не говорит, поэтому передаю его под вашу опеку.

Староста взглянул на парня и удивленно воскликнул:

— Живучий этот дурачок! — после чего, покачав головой, добавил: — Мастер, вы не знаете, он сирота, выросший на подаяниях, обычно ночевал под мостом на восточной окраине.

Он постучал себя по голове:

— У него с головой не все в порядке, мы все зовем его глупышкой. Кто покормит остатками со стола, тому и спасибо.

Услышав, как староста называет парня глупышкой, Му Цунъюнь невольно нахмурился.

Хоть юноша и был молчалив, он прекрасно понимал речь и мог общаться — очевидно, он вовсе не был дурачком.

Он бросил взгляд на парня, но тот лишь опустил глаза и снова промолчал.

— Есть ли где его приютить? — спросил Му Цунъюнь.

Староста замялся:

— Сейчас в поселке каждая семья пострадала, боюсь...

Боялся, что никто не захочет кормить лишний рот, да еще и слабоумного.

Му Цунъюнь понял намек и, немного подумав, сказал:

— Тогда я возьму его на попечение.

И снова увел юношу за собой.

Му Цунъюнь привел его в дом дедушки Чжао.

Дедушка Чжао остался в лесу вместе с духом дерева, так что дом пустовал. Цзинь Ни распорядился занять его, чтобы раненные ученики могли отдыхать и лечиться.

Дом был невелик. Те, у кого раны были легкими, уступили комнаты более тяжелым братьям, а сами устроились во дворе или даже на деревьях, чтобы медитировать и исцеляться.

До того как вошел Му Цунъюнь, ученики переговаривались, и атмосфера была оживленной. Но стоило ему переступить порог, как все замолчали, словно по команде. Те, кто медитировал, выпрямили спины и погрузились в свои техники; те, кто расстегивал одежду, чтобы нанести лекарство, в спешке приводили себя в порядок; а те, кто беззаботно болтал ногами, сидя на ветвях, попрятались за листвой, мечтая слиться с деревом...

Му Цунъюнь, почувствовав, как изменилась атмосфера, беззвучно вздохнул.

Он подвел юношу к Сюй Яо и распорядился:

— Найди ему место. Он временно побудет с нами, а перед отъездом найдем ему пристанище.

Сюй Яо вытянулся во фрунт и закивал, словно клюющий зерно цыпленок.

Видя, что все вокруг напряжены, словно перед лицом смертельной опасности, Му Цунъюнь слегка кивнул и удалился на своем мече — свою комнату он тоже уступил, к тому же с его уровнем культивации медитация вполне могла заменить сон.

Шэнь Ци наблюдал за всем этим, и уголки его губ едва заметно дернулись.

Эта новая личность хоть и не блещет статусом, но оказалась на удивление полезной.

Забавно.

Когда Старший брат ушел, Сюй Яо наконец расслабился и позвал Шэнь Ци:

— Свободных комнат нет, так что в эти дни тебе придется ютиться со мной в коридоре.

Он потянулся к плечу Шэнь Ци, но рука повисла в воздухе.

Он удивленно взглянул на парня и увидел, что тот нахмурился, глядя на него с явным отвращением.

Сюй Яо: ???

Он решил, что ему показалось, и хотел приглядеться получше, но парень, не говоря ни слова, развернулся и зашагал прочь.

— Эй, ты куда? — Сюй Яо не смел ослушаться поручения Старшего брата и поспешил следом, пытаясь схватить Шэнь Ци за рукав.

Но рука снова промахнулась.

Он растерянно посмотрел на свою руку и, ничего не понимая, поплелся за Шэнь Ци, продолжая бормотать:

— Место для отдыха там, хоть и тесновато, но зато крыша над головой. Если не нравится, перед отъездом найдем что-нибудь получше...

Какая болтливость.

Шэнь Ци сжал пальцы, в глазах мелькнуло намерение убить.

Однако, заметив белую фигуру на крыше, он тут же обуздал себя.

За это короткое время он уже успел изучить характер этого парня, поэтому молча сел под навесом крыши.

Сюй Яо посмотрел на медитирующего Старшего брата на крыше, потом на Шэнь Ци под карнизом и счел кощунственным свое желание: два молчаливых чурбана в одном месте — это просто головная боль.

Му Цунъюнь, потревоженный этим, увидел упрямую фигуру под карнизом и без труда понял его мысли.

— Хочет там сидеть — пусть сидит, не трогайте его.

Сюй Яо отошел и, не став больше приставать, ушел обратно.

Му Цунъюнь закрыл глаза и продолжил медитацию.

Но не прошло и мгновения, как он не удержался и открыл глаза, чтобы взглянуть на юношу внизу. Тот тихо сидел, уставившись в землю, словно о чем-то размышляя.

Хотя, судя по опыту Му Цунъюня, он, скорее всего, просто витал в облаках.

Этот юноша вызывал в нем чувство родства, словно он нашел такого же одиночку, как и он сам.

Но на этом все и заканчивалось. Му Цунъюнь не был склонен сближаться с людьми, поэтому,

посмотрев на него еще немного, снова погрузился в медитацию.

У Шэнь Ци, сидевшего с опущенной головой, было свирепое выражение лица.

Он всегда был человеком привередливым, и сидеть на голой земле было выше его сил. Но раз уж он стерпел это раньше, то срываться сейчас из-за таких мелочей означало потерять массу удовольствия.

Он сидел спиной к Му Цунъюню, уныло опустив веки и теребя деревянный браслет. Глядя, как две птички на его поверхности взмахивают крыльями, он почувствовал себя немного лучше.

*

Последующие дела в Наньхуае постепенно передавались местным властям и сектам, жизнь поселка начала налаживаться. Пробыв в нем еще пять дней, люди из Сюаньлин стали собираться в обратный путь.

Перед уходом Му Цунъюнь размышлял, как быть со своим хвостом.

Все пять дней юноша тенью следовал за ним. Он не произносил ни слова, не пытался подойти первым, а просто держался на расстоянии.

Если Му Цунъюнь медитировал на крыше, он сидел под карнизом; если тот уходил по делам, он плелся следом.

Его осторожность была поразительной: кроме еды из рук Му Цунъюня, он не принимал ничего ни от кого из других учеников Сюаньлин.

Его упрямство заставляло Му Цунъюня ломать голову.

После долгих раздумий Му Цунъюнь отправился в лес к дедушке Чжао.

У юноши не было родных, и никто из жителей не хотел брать его к себе. Поразмыслив, он решил, что лучшее, что можно сделать — это найти ему надежное жилье и оставить немного денег на жизнь.

Дедушка Чжао решил остаться в лесу навсегда.

Вокруг пня Му Цунъюнь поставил защитный массив, чтобы случайные люди не заблудились. Дедушка Чжао выбрал ровную площадку и построил из сухих веток простенький навес; когда он не уходил за едой, он преданно охранял дух дерева.

Узнав, что Му Цунъюнь хочет пристроить юношу в тот дом, он долго вспоминал:

— Помню такого, глупышка под мостом, бедолага. Я в тот дом больше не вернусь, пусть живет, если хочет. Закладная на дом спрятана под шестым кирпичом у изголовья кровати.

Получив согласие, Му Цунъюнь пошел к старосте.

Он передал ему десять лянов серебра, чтобы староста присмотрел за ними для парня. Если тот снова окажется в беде, ему не придется просить подаяние.

Еще десять лянов он вручил самому юноше.

— Возьми эти деньги. Немного, но на первое время хватит. В доме дедушки Чжао можешь жить спокойно, когда поселок окончательно придет в себя, найдешь себе какую-нибудь работу, голодать не придется.

Он пытался вспомнить все свои скудные навыки выживания и передать их парню, глядя на молчаливого юношу с необычной для себя заботой:

— Завтра на рассвете я уеду, ты... — он помедлил и торжественно добавил: — Живи достойно, со временем все наладится.

Это были слова, которые он сам себе никогда не говорил в прошлом, а теперь произнес для юноши, так похожего на него самого.

Ему показалось, что внутри что-то сломалось, и на душе стало удивительно легко.

Шэнь Ци смотрел на серебро в своей ладони, а затем перевел взгляд на Му Цунъюня.

Это холодное, равнодушное лицо, похожее на заснеженную гору, укутанную туманом, источало холод еще до того, как к нему можно было приблизиться, заставляя людей держаться в стороне.

Но этот холодный человек так старательно заботился о будущем случайного встречного.

Неужели среди лицемеров мира культиваторов встречаются такие добряки?

Тогда почему же он был так жесток именно к нему?

Где были эти добряки, когда чешую защиты сердца, которую он добыл ценой невероятных усилий, вырвали, чтобы починить массив Десяти Направлений?

Где они были, когда он, лишившись культивации, терпел издевательства Инь Цзяо, когда у него вырывали чешую, ломали рога и вытягивали жилы, прежде чем сбросить с утеса Безвозвратности?

Неужели он не достоин жалости?

В сердце Шэнь Ци вспыхнуло пламя ярости, и он невольно перенес гнев на человека перед собой. В черных глазах разлилась тьма, пальцы на руках сжались в когти, и он мечтал лишь об одном — броситься и разорвать его на куски.

Но еще рано. Это было бы слишком легким наказанием для них.

Жажда разрушения бурлила внутри, пальцы Шэнь Ци мелко дрожали от сдерживаемого бешенства.

Он с насмешкой взглянул на серебро в ладони, развернулся и зашагал прочь.

Если он не уйдет прямо сейчас, то боится, что не сможет сдержаться и устроит резню.

Видя, что юноша принял деньги и ушел, Му Цунъюнь слегка выдохнул. Наконец-то самая хлопотная проблема была решена. С легким сердцем он вскочил на крышу и, купаясь в лунном свете, принялся медитировать.

Оказавшись в уединенном месте, Шэнь Ци больше не сдерживался. Он долго смотрел на серебро в ладони, а затем медленно сжал пальцы, превращая монеты в пыль.

Серебристо-белая крошка медленно просыпалась сквозь пальцы, укрывая темную землю пятнами снега.

Шэнь Ци смотрел на это, не мигая, думая о том, что, когда он проберется в Сюаньлин и добьется своей цели, первым делом он принесет в жертву своего ножа этого великого добряка.

Этот мир до тошноты грязен, а так называемая доброта зависит лишь от того, на кого она направлена.

Он издал насмешливый, презрительный смешок и, пройдясь по серебряной пыли, скрылся в темноте.

*

На рассвете следующего дня отряд Му Цунъюня отправился в путь.

Чтобы не привлекать внимания жителей поселка, они ушли еще до рассвета. В отряде были раненые, которые не могли долго лететь на мечах, но, к счастью, перед спуском с горы Му Цунъюнь на всякий случай прихватил две марионеточные кареты. Им требовалось лишь питание духовной силой от кучера, а скорость была в разы выше обычных повозок.

Му Цунъюнь не хотел сидеть внутри в тесноте, поэтому вызвался сам управлять каретой.

Другие ученики не посмели бы просить Старшего брата быть кучером, но под его холодным взглядом лишь пожимали плечами, и никто не решился возразить.

Му Цунъюнь, обняв меч, сидел на козлах, глядя на извилистую дорогу, и впервые за долгое время ощутил радостное предвкушение.

Он не мог дождаться, когда вернется в свою гавань безопасности.

Колеса с грохотом катились по земле, и карета медленно выехала из Наньхуая, направившись к городу Дунчжоу.

Как только они выехали на большую дорогу, путь стал ровным. Му Цунъюнь собирался прибавить ходу, как вдруг увидел на развилке человека.

Худой, высокий силуэт, одежда развевалась на ветру, словно камыш.

Му Цунъюнь резко остановил карету и уставился на юношу, стоящего посреди дороги, не в силах скрыть удивления:

— Почему ты здесь?

Конечно, он будет здесь.

Раз уж он так старательно разыграл целый спектакль, как он мог сойти со сцены раньше времени?

Он ведь просчитал все: и время, и единственный возможный путь.

Шэнь Ци насмешливо дернул уголком губ, но, подняв лицо, изобразил полное замешательство. Его черные, как смоль, глаза прямо смотрели на Му Цунъюня, губы беззвучно шевельнулись пару раз, прежде чем он, словно через силу, произнес:

— Куда ты идешь... туда и я.

Юноша так долго молчал, что голос его звучал хрипло. Он не умолял и не плакал, но в этом низком тоне звучало нечто такое, от чего на душе становилось тоскливо — словно брошенный зверь.

Шэнь Ци мастерски умел играть на чувствах людей, а уж такого простого и прямодушного человека, как Му Цунъюнь, он мог обвести вокруг пальца с легкостью.

Он готов был поспорить, что тот не сможет отказать.

<http://bllate.org/book/21007/2135822>